

VI.

Экономическій строй.

Исключая уже указанные промышленные и торговые центры, Русь XVI вѣка была, какъ и теперешняя Россія, страной, главнымъ образомъ, земледѣльской. Но обработка земли сохраняла самыя примитивныя формы и совершалась самымъ первобытнымъ способомъ. Наболѣзъ производительными, съ этой точки зрѣнія, областями

считались къ сѣверу отъ Москвы земля Ярославская, а къ юго-востоку область Оки, Рязанская и Нижегородская земли. Если вѣрить Герберштейну, по берегамъ Оки урожаи давали отъ самъ-20 до самъ-30. Кромѣ того, даже на сѣверѣ, по берегамъ Сѣверной Двины, оплодотворяемымъ весенними разливами, лежали тучныя земли, дававшія богатый урожай, несмотря на суровый климатъ. Но пшеницы сѣяли очень мало. Обыкновенными продуктами были рожь, овесъ и гречиха. Они служили, главнымъ образомъ, для внутренняго потребленія. Нѣкоторыя попытки экспорта направлялись на Западъ черезъ Нарвскій портъ, позднѣе черезъ Архангельскъ, а сухопутнымъ путемъ—черезъ Польшу. Но, во всякомъ случаѣ, торговля эта не могла быть оживленною. Тогда у Европы были не тѣ потребности, какъ теперь; правительство парализовало эту отрасль, монополизировавъ ее, какъ и другія, да, наконецъ, вывозъ большого количества хлѣба считался вреднымъ, способнымъ разорить страну. Кромѣ того, цѣны такъ колебались въ зависимости отъ урожая, отъ большей или меньшей удаленности центра производства, отъ войнъ и другихъ кризисовъ, постигавшихъ страну, что то возрастали, то уменьшались разъ въ десять, и сбытъ на европейскіе рынки этимъ затруднялся. Но, въ общемъ, цѣны были очень низкія.

Тутъ я долженъ сдѣлать отступленіе, чтобы объяснить русскую монетную систему. Единицей былъ *рубль*, какъ и теперь (отъ слова *рубить*), заключающій сто копеекъ. Номинально этотъ рубль вѣсилъ 16 золотниковъ серебромъ; это значить, что онъ содержалъ благороднаго металла въ семь разъ больше, чѣмъ теперешній рубль, и англійскіе купцы цѣнили его въ 16 шиллинговъ 8 пенсовъ. Но уже съ XVI вѣка эта цѣна стала постепенно падать, благодаря московской политикѣ: она уже тогда начинала проводить систему, слѣдствія которой мы видимъ теперь, когда та же единица оцѣнивается въ 2 шиллинга и нѣсколько пенсовъ. Копейки первоначально назывались *деньгами* (отъ татарскаго слова динъ—серебро); теперешнее названіе было принято около половины XVI в., когда на этой мелкой монетѣ появилось изображеніе воина, вооруженнаго *копьемъ*. Уже при отцѣ Грознаго ухитрялись обращать рубль въ 250 денегъ, а во время малолѣтства Ивана, подъ давленіемъ финансовыхъ затрудненій, число ихъ довели до 300. Тогда стало два рода рублей: новгородскій рубль сохранилъ свой первоначальный вѣсъ и стоилъ вдвое дороже московскаго. Отсюда много затрудненій при опредѣленіи дѣйстви-

тельной цѣнности предметовъ потребления по документамъ того времени.

Мелкою монетою были тогда: *алтынъ* (отъ татарскаго слова ал—шесть) монета въ 6 копеекъ; *гривна* (20 копеекъ); *полтина* или поль-рубля (отъ слова *половина*) и мѣдныя *полуденьги* или пули (полушки). Серебряная *деньга* имѣла неправильную, слегка овальную форму, заимствованную у татаръ, какъ и самое ея имя; она была очень мала и легко терялась. Купцы при расчетѣ набирали, обыкновенно, въ ротъ по пятидесяти штукъ.

По свидѣтельству иностранныхъ путешественниковъ, Герберштейна и Флетчера, по тогдашнимъ лѣтописямъ и согласно вычисленіямъ *Рожкова* (Сельское хозяйство въ Московской Руси, М. 1899, с. 202 сл.) средняя цѣна четверти ржи (теперешняя—839 лит. 68; прежняя была вдвое меньше) въ началѣ XVI в. колебалась между низкой цѣною въ 10 к. и высокой цѣною въ 69 коп. Такъ же колебалась стоимость и остальныхъ продуктовъ. Въ среднемъ, тогдашнія цѣны находились къ теперешнимъ въ отношеніи, равномъ 51:93,9. Другими словами, рубль того времени имѣлъ покупательную силу въ 94 раза большую а слѣдовательно, стоилъ дороже теперешняго рубля въ 94 раза. Но къ концу вѣка эта пропорція падаетъ до 20—24 и не поддается точному опредѣленію.

Цѣна на трудъ зависѣла неминуемо отъ цѣны на хлѣбъ, и въ 1598 году мы видимъ крестьянъ, которые берутъ подрядъ срубить лѣсъ, обтесать и перевезти его для постройки моста за деньгу съ половиной. *Обжа*, т.-е. пространство земли, которую одинъ человѣкъ могъ обработать съ помощью одной лошади, продавалась въ 1573 г. за 8—10 рублей. Домъ стоилъ три рубля. За четыре рубля 16 алтынъ можно было купить четыре коровы и двадцать овецъ, а лошадь за три.

Земля обрабатывалась по трехпольной системѣ: рожь, овесъ и паръ. Владѣя *обжой*, крестьянинъ сѣялъ отъ двухъ съ половиной до трехъ съ половиной четвертей ржи, столько же овса и при хорошемъ урожаѣ могъ получить до 3 рублей въ годъ. Изъ этого онъ долженъ былъ прокормиться и одѣться. Одѣться ему стоило полтину, не считая пояса и рукавицъ, необходимыхъ въ большіе холода. Итого 24 алт. 9 коп. Онъ долженъ былъ также платить налоги: отъ 75 к. до рубля, согласно исчисленію принятому на 1555 г. Это относится къ землямъ чернымъ, гдѣ жили свободные крестьяне. На земляхъ бѣлыхъ

ссуды, выдаваемые помѣщиками на расходы по первому обезвѣденію, ихъ помощь во время голода или падежей скота, дѣлали положеніе земледѣльцевъ болѣе сноснымъ; однако, это же самое лишало ихъ свободы. На общинныхъ земляхъ крестьяне освобождались еще болѣею частью при поселеніи отъ уплаты налоговъ на срокъ отъ 4 до 8 лѣтъ; но ни на что болѣе они рассчитывать здѣсь не могли. Монастырскія земли слыли раемъ, и я уже сказалъ, почему. Однакоже, если монахи, сами не очень стѣсненные, могли быть и менѣе требовательными, то слово *страда* (отъ страдать), примѣняемое обыкновенно къ работѣ на этихъ собственниковъ, ясно говоритъ намъ, что это былъ за рай.

Я уже указалъ на одну изъ причинъ, препятствовавшихъ развитію промышленности. Знаменитый Домострой попа Сильвестра, написанный во время царствованія Ивана Грознаго (къ нему мы еще вернемся), освѣщаетъ этотъ вопросъ съ очень любопытной стороны. Промышленная дѣятельность является въ Домостроѣ приуроченной къ домоводству. Подъ кровомъ боярина этой эпохи мы видимъ цѣлую группу мастерскихъ, снабжающихъ домъ вѣсьмъ необходимымъ для внутренняго потребленія. Ясно, что это не оставляло никакого мѣста для независимаго развитія тѣхъ же промысловъ внѣ боярскаго обихода.

Плотничье и столярное дѣло, судостроеніе и выдѣлка мелкой домашней утвари и деревянныхъ вещей, которая въ настоящее время такъ сильно развилась и вылилась въ особую форму кустарнаго производства, были, однако, извѣстны и распространены съ очень давнихъ временъ. Козьмодемьянскъ, въ окрестностяхъ Нижняго Новгорода, славился выдѣлкой сундуковъ, такъ же какъ и Холмогоры, произведенія которыхъ очень цѣнились за украшенія изъ красной и тюленей кожи. Были также въ большомъ ходу вяземскія сани и деревянныя калужскія ложки; но все это были предметы малоцѣбные. Холмогорскіе сундуки служили для перевозки товаровъ въ Москву и затѣмъ дешево продавались. Сотня калужскихъ ложекъ стоила 20 алтынъ, а вяземскія сани можно было купить за полтину.

Торговля, относительно болѣе развитая, не имѣла достаточно предметовъ обмѣна. Вывозились почти исключительно сырье и едва обработанные матеріалы. На первомъ мѣстѣ стояли мѣха: ими торговали съ Европой и Азіей на 500,000 р. ежегодно. Лучшіе соболя шли изъ Обдорской земли (нынѣ Тобольская губ.); мѣха бѣлыхъ медвѣ-

дей—съ береговъ Печоры, а бобры—съ острова Колы. Прекрасный соболь шель за 30 золотыхъ флориновъ; опушка на боярскую шапку изъ чернубурой лисицы стоила 15; но горностаевыя шкурки цѣнились тогда недорого: по 3 или 4 деньги за штуку. На второмъ мѣстѣ сто-ялъ воскъ, вывозимый въ количествѣ 50,000 пуд. ежегодно. Потомъ шло сало, добываемое въ большемъ количествѣ отъ 30 до 40,000 пу-довъ, въ земляхъ Смоленской и Ярославской, Угличской, Новгород-ской, Вологодской и Тверской. Внутреннее потребленіе этого про-дукта было довольно незначительно, потому что богатые люди поль-зовались восковыми свѣчами, а народъ жегъ лучину. Медь, въ изо-билии поставляемый Рязанью и Муромомъ, позже Казанью, служилъ, главнымъ образомъ, для приготовленія любимаго національнаго на-питка, но также и вывозился Псковомъ и Новгородомъ, Ярославлемъ и Вологдой въ количествѣ до 10,000 пуд. ежегодно. Лосиныя шкуры, которыя очень хвалятъ Флетчеръ, также покупались иностранцами. Самые крупныя лоси водились въ лѣсахъ близъ Ростова, Вычегды, Новгорода, Мурома и Перми. Быки слишкомъ мелкіе, невысоко цѣнились, какъ товаръ. Окрестности Архангельска доставляли для внѣшняго потребленія тюлений жиръ, а рыбныя промыслы въ Яро-славлѣ, на Бѣлоозерѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ, въ Астрахани— послѣ ея покоренія—снабжали торговцевъ въ изобилии рыбой и икрой, уже тогда охотно раскупаемой голландскими, французскими и англій-скими купцами. Этотъ товаръ шель даже въ Италію и Испанію. Мат-вѣй Мѣховскій въ своемъ трактатѣ о Сарматіи (изданіе 1521 года) говорить о китоловномъ промыслѣ на Бѣломъ морѣ. Но было бы странно предположить, что въ то время могла быть сколько-нибудь значительной та отрасль промышленности, развитъ которую напрасно пытались впослѣдствіи. Вѣроятно, дѣло ограничилось утилизаціей нѣсколькихъ китовъ, выброшенныхъ на берегъ, какъ думаетъ г. Замысловскій (см. его статью въ Жур. Мин. Н. Просв., май 1882, стр. 67). Былъ постоянный спросъ за границей на нѣкоторые сорта птицъ; особенно, въ цѣнѣ были кречета. Псковскій ленъ и конопля изъ Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы находили сбытъ на внѣшнихъ рынкахъ, равно какъ и соль, добываемая въ Старой Русѣ, а также смоленскій и двинскій деготь. Персія покупала моржовыя клыки для цѣлей индустріи, а также для приготовленія очень извѣстныхъ тогда противодій. Добываемая на берегахъ Двины и въ Корелахъ слюда замѣняла въ странѣ стекло и вывозилась наравнѣ съ другими

минералами: селитрой, приготовляемой въ Угличѣ, Ярославлѣ и Устюгѣ, сѣрой изъ самарскихъ озеръ, желѣзомъ, доставляемымъ корельскими рудниками и изъ Каргополя съ Устюжной.

Потребляемая, большею частью, на внутреннемъ рынкѣ, нѣкоторыя произведенія находили и внѣшній сбытъ. Татары покупали у русскихъ сѣдла, уздечки, полотна, сукна, одежду и взаменъ посылали азіатскихъ коней. Европейскіе купцы привозили серебро въ слиткахъ, золото, мѣдь, сукна, зеркала, кружева, ножевый товаръ, шелки, кошельки вина и фрукты; азіатскіе торговцы продавали шелковыя матеріи, парчу, ковры, жемчуга и драгоценныя камни. Какъ тѣ, такъ и другіе должны были сначала свезти свой товаръ въ Москву, гдѣ государь, выбравъ себѣ, что ему требовалось, давалъ разрѣшеніе продавать остальные. Дочь Петра Великаго еще пользовалась этимъ правомъ по отношенію къ продавщицамъ французскихъ модныхъ товаровъ. Купцы съѣзжались обыкновенно въ одно мѣсто, при слияніи Волги съ Мологой; тамъ существовалъ прежде маленькій городъ—*Холотій Городокъ*—отъ котораго осталась одна церковь. Согласно преданію, городъ былъ основанъ новгородскими холопами. Сюда они бѣжали, будто бы, отъ гнѣва своихъ господъ, которые были жестоко оскорблены ими во время отсутствія, показавшагося слишкомъ долгимъ для добродѣтели ихъ супругъ. Тамъ основалась ярмарка, знаменитѣйшая во всей Россіи. Она длилась 4 мѣсяца и наполняла широкій лиманъ Мологи такимъ количествомъ судовъ, что съ одного берега на другой переходили пѣшкомъ. Купцы нѣмецкіе, польскіе, литовскіе, греческіе, итальянскіе, персидскіе тѣснились на берегу, разложивъ свои товары на огромномъ лугу, окруженномъ временными постоянными дворами и кабаками. Насчитывали до семидесяти подобныхъ учрежденій, и сосредоточенный здѣсь торговый обмѣнъ былъ такъ значителенъ, что на долю государя приходилось ежегодно до 180 пудовъ серебра. Впрочемъ, обмѣнъ этотъ происходилъ большею частью натурой безъ употребленія денегъ. Деньги, вообще рѣдкія, захватывались не менѣе рѣдкими капиталистами и главнымъ образомъ самымъ крупнымъ скопидомомъ государства, т. е. княземъ.

Только ярмарка на Мезени, о которой я упомянулъ выше, могла равняться съ этимъ торгомъ по оживленію и емкости своего рынка, по торговлѣ мѣхами, покупаемыми у самоѣдовъ. За желѣзный топоръ эти дикари давали столько собольихъ шкуроекъ, сколько

ихъ могло пройти связанными вмѣстѣ въ отверстіе, куда вставляется ручка топора. Литовскіе купцы съѣзжались близъ одного монастыря Св. Троицы,—здѣсь идетъ рѣчь не о знаменитой Лаврѣ—построенномъ въ Смоленской области, на берегу Днѣпра.

Обмѣнъ товарами съ заграницей въ итогѣ оказывался убыточнымъ потому, что мѣстныя произведенія цѣнились очень низко, а заграничныя, напротивъ, были чрезвычайно дороги. Аршинъ (0,711420 метра) бархату, шелковой камки или атласу стоилъ рубль; кусокъ тонкаго англійскаго сукна—30 рублей; боченокъ французскаго вина—4 рубля. Золотая монета также служила предметомъ ввоза; своя чеканка не удовлетворяла спросу, и за червонцы взымалась пошлина, какъ за прочіе товары.

Очень извѣстные своей ловкостью и предпримчивостью русскіе купцы того времени пользовались, съ другой стороны, довольно плохой славой. Иностранцы единогласно указываютъ на ихъ лукавство и недобросовѣтность и дѣлаютъ исключеніе только для новгородскихъ и псковскихъ купцовъ, хотя давнишняя слава ихъ честности также нѣсколько померкла.

Мѣстный обычай «показывать товаръ лицомъ» и привычка запрашивать за каждый предметъ чуть не вдесятеро, если покупатель выглядитъ наивнымъ или богатымъ, имѣли очень широкое распространеніе. Оптовые торговцы брали съ собой нерѣдко опытныхъ людей, а эти старались (обычно) поживиться насчетъ обѣихъ сторонъ. Иностранцы замѣчали, что чѣмъ чаще призываетъ купецъ Господа во свидѣтели своей честности, тѣмъ больше риску быть ограбленнымъ. Было весьма обычнымъ дѣломъ обмануть покупателя относительно качества, вѣса и происхожденія товара, продать ему поддѣлку или подмѣнить при покупкѣ одинъ предметъ другимъ.

Намъ извѣстно, какимъ успѣхомъ пользовались иностранные торговцы на русскихъ рынкахъ, гдѣ съ XV в. создалось нѣчто въ родѣ привилегій для различныхъ нѣмецкихъ, фламандскихъ и голландскихъ фирмъ, занимавшихся ввозомъ и вывозомъ. Правда, такое положеніе вещей существовало до той поры, когда возникла настоящая монополія англійскихъ купцовъ. Но, во всякомъ случаѣ, это преобладаніе иностранцевъ въ значительной степени объясняется пороками русской торговли, хотя нельзя сказать, чтобы иностранцы сами были имъ вполне чужды. Герберштейнъ признается, что нерѣдко

имъ случалось продавать за 12 дукатовъ то, что на самомъ дѣлѣ стоило одинъ или два.

Русскій человѣкъ смотрѣлъ на торговлю, какъ на войну, гдѣ допустимы, почти необходимы всевозможныя хитрости. Онъ былъ невѣжественъ и подвергался обману не рѣже, чѣмъ обманывалъ самъ. Его грабило собственное правительство, которое не блюло его интересовъ и нисколько о немъ не заботилось. Тѣ же иностранцы, которые называли его поступки нечестными, сами слѣдовали его примѣру въ ущербъ ему.

Налоги и помѣхи всякаго рода, которые жадные и неумѣлые правители налагали на его промышленность, все увеличивались. Государство раздѣлялось на маленькія торговыя области, облежавшія на 10—20 верстъ какой-нибудь центръ—городъ или деревню. Въ границахъ каждой изъ этихъ областей торговый обмѣнъ допускаемъ былъ только въ главномъ пунктѣ, чтобы не пропадали *пошлины*. Безчисленныя и огромныя, эти пошлины увеличивались еще системой внутреннихъ преградъ, дававшей полный просторъ злоупотребленіямъ и вымогательству всякаго рода. Раньше, чѣмъ достигнуть рынка, товаръ долженъ былъ пройти сквозь тиски безчисленныхъ поборовъ—дорожныхъ заставъ, рѣчныхъ пошлинъ, таможенъ при вѣздѣ въ каждый городъ. Если городъ стоитъ на берегу рѣки—нужно платить налогъ при нагрузкѣ и разгрузкѣ. Если на площади есть гостинный дворъ, купецъ обязанъ тамъ остановиться, заплатить установленный сборъ. Платили за право вѣзда и за право выѣзда; платили за амбаръ и за каждый предметъ, проданный отсюда: если продана лошадь—пошлина за тавро и за запись. Если проданъ пудъ соли—пошлина за вѣсь.

Представьте себѣ, что крестьянинъ привезъ на рынокъ продуктъ своей жалкой промышленности. Чтобы выручить рубль, надо продать не мало: лошадь, или двѣ коровы, или 20 гусей, или десять барановъ, или нѣсколько десятковъ четвертей ржи, или четверо саней. А онъ уже истратилъ отъ 10 до 8 денегъ дорогой,—т. е. больше, чѣмъ онъ выработаетъ въ день. А если продать свою лошадь, то истратитъ еще 15.

Подобная система вовсе не является особенностью только этой страны. Она входила въ обычное право Франціи, когда еще тамъ сохранялись остатки феодальной финансовой системы—не менѣе требовательной и стѣснительной. Тогда древній *telonium*, превратившійся въ *tonlieu*, какъ *vinagrum* въ *vientrage* обиралъ купцовъ при

проѣздѣ черезъ всякую территорію. Въ 1567 г. насчитывали отъ ста до полутора ста таможенныхъ заставъ по теченію одной только Луары, Какой-нибудь ящикъ съ галантерейнымъ товаромъ, везомый изъ Парижа въ Руанъ и оплаченный при выѣздѣ ярмарочнымъ сборомъ, платилъ въ Севрѣ, платилъ въ Нёльи, въ Санъ-Дени, въ Шату, въ Пекъ, въ Мезонъ, въ Конфланъ, въ Пуасси, въ Триелъ, въ Мёланъ, въ Мантѣ, въ Рошъ-Гуйонъ, въ Вернонъ, въ Андели, въ Понъ-де-Ларшѣ, на мосту въ Руанѣ. Если же онъ предназначался въ Англию, то за него надо было еще платить уже въ самомъ Руанѣ, такъ называемые, «droits de vicomte», «droits de rêve» и «de haut passage», не считая еще оплаты официального разрѣшенія на погрузку, а также фрахтовъ, вознагражденія лоцману и т. д.

Впрочемъ, во Франціи Людовикъ XI уже пытался сократить количество этихъ поборовъ, число которыхъ возросло неимоვნю во время анархіи, сопровождавшей столѣтнюю войну. Она и была, въ сущности, послѣдствіемъ этой анархіи. Въ Московскомъ государствѣ то же явленіе было результатомъ особой системы, которая развивалась и осложнялась соотвѣтственно растущимъ нуждамъ и требованіямъ самого государства. Въ довершеніе всего, она еще перегружалась массою дополнительныхъ правилъ, вытекавшихъ изъ дикихъ экономическихъ понятій того времени. Какой-нибудь литовскій купецъ, который привезъ въ Москву сукно и обмѣнялъ его на соотвѣтственное количество воска, съ придачей кое-какихъ серебряныхъ бездѣлушекъ, подвергался конфискаціи товара. Это потому, что купля-продажа драгоценностей была тогда запрещена.

Страдала торговля и отъ бѣдности, которая царилъ въ городахъ того времени. Города строились, обыкновенно, изъ дерева, мостились тоже деревомъ—если только у нихъ была мостовая,—и горѣли, въ среднемъ, по разу въ десять лѣтъ. Послѣ пожара 1541 г., который уничтожилъ въ Новгородѣ весь славянскій конецъ—908 домовъ—во время другого пожара въ 1554 году полторы тысячи жилищъ становятся жертвою пламени. Одна изъ лѣтописей города,—а именно вторая—представляетъ собою только перечень этихъ періодическихъ несчастій. Никакихъ предосторожностей не принималось для предотвращенія этого зла. Только въ 1560 году догадались поставить близь печей кадки, наполненныя водой, да устроить багры, которые и до сихъ поръ можно видѣть въ русскихъ деревняхъ, около избъ, всегда угрожаемыхъ пожаромъ. Въ 1570 будетъ прибавлено запрещеніе топить

лѣтомъ бани и даже печь хлѣбъ иначе, какъ въ печахъ, устроенныхъ внѣ дома.

Прибавьте къ этому плохое состояніе дорогъ въ странѣ, которая за неимѣніемъ матеріала принуждена и въ наши дни обходиться безъ шоссе. Изъ порта Св. Николая на Бѣломъ морѣ, куда пристали англичане,—до Вологды, гдѣ они открыли свою первую контору, было четырнадцать сутокъ ѣзды водою, 8 дней по зимнему пути, а лѣтомъ еще долго эта дорога останется непроѣздной. Изъ Вологды въ Ярославль считалось два дня и 30 изъ Ярославля въ Астрахань, опять водою. Изъ Новгорода въ Нарву по пути, чрезвычайно важному для виѣшней торговли, сухопутныя дороги представляли собою тропинки, вьющіяся по лѣсамъ и болотамъ. Гостинницъ не было, деревни попадались рѣдко. Между Москвою и Новгородомъ простиралась пустыня, а между Москвою и Вильною проѣхать лѣтомъ было чрезвычайно трудно. Единственная дорога, болѣе или менѣе, удобная во всѣ времена года и проходившая по довольно населенной странѣ, соединяла Псковъ съ Ригою, на западной границѣ. Поэтому большіе транспорты товаровъ шли лѣтомъ исключительно водою, а зимой по окрѣпшему снѣгу. Между Ярославлемъ и Москвою было тогда не рѣдкостью встрѣтить обозъ въ 700 или 800 саней, нагруженныхъ зерномъ или рыбой. Считалось предпочтительнымъ отправляться въ дорогу въ большемъ числѣ, изъ страха передъ вооруженнымъ нападеніемъ, что случалось нерѣдко. Безопасности не было нигдѣ: на востокъ татары дѣлали безпрестанные набѣги, убивали или грабили путниковъ; на югъ гуляли казаки, а лихіе люди—вездѣ. На Волгѣ шайки разбойниковъ не боялись даже военныхъ экспедицій, устраиваемыхъ изъ году въ годъ, чтобы положить границы ихъ дерзости.

Иностранные путешественники отмѣтили одно обстоятельство, которое поражаетъ среди всего того, о чемъ я упоминалъ: именно, превосходную организацію ѣзды на почтовыхъ. Отъ Новгорода до Москвы, когда дорога была хороша, т.-е. зимою, 542 в. дѣлали въ 72 часа по очень низкой оплатѣ—шесть коп. въ часъ—и на станціяхъ всегда было сколько угодно лошадей. Въ пути загнанную лошадь тотчасъ же замѣняли новой: ее оставляли и брали свѣжую въ первой деревнѣ или у перваго встрѣчнаго. Царская служба! Достаточно было имѣть подорожную, выданную подлежащей властью, чтобы пользоваться подобными правами. Правда, лѣтомъ картина мѣнялась. Лошади были на пастбищѣ или на работѣ въ полѣ, и проходили часы

прежде нежели можно было добиться нужной упряжки. Но въ это время года пользовались предпочтительно водными путями, на которыхъ были и лодки, и гребцы на той же царской службѣ.

Это было наслѣдіемъ татарскаго ига, обязаннаго частью своихъ поразительныхъ успѣховъ удивительной быстротѣ и техническому совершенству своихъ средствъ передвиженія. Не слѣдуетъ забывать, что во Франціи почтовая служба была организована лишь въ 1464 г. по эдикту Людовика XI—да и то съ исключительно политической цѣлью, для королевской почты. Россія всегда была страню сюрпризовъ.

Но это единственное преимущество не искупало въ XVI вѣкѣ другихъ недочетовъ, которые парализовали развитие экономической жизни. Въ 1553 г. во Псковѣ было похоронено на кладбищахъ 25,000 труповъ, не считая неизвѣстнаго количества гнившихъ безъ погребенія за городомъ. Это было во время чумы, такого же постояннаго бѣдствія, какъ и пожары. Въ 1565 г. весною чума свирѣпствовала въ Лукахъ, Торощѣ и Смоленскѣ, а въ Полоцкѣ—осенью. На слѣдующій годъ она валить народъ въ Новгородъ, Старой Русѣ, опять Псковѣ, Можайскѣ и въ самой Москвѣ. Съ чумою,—или до ея появленія, или съ нею вмѣстѣ,—какъ въ 1570 г., шелъ голодъ. Средства борьбы съ этимъ бѣдствіемъ были такъ же ужасны, какъ и оно само. Въ 1851 г. изъ Новгорода выгоняли псковскихъ купцовъ, которыхъ считали зараженными, а тѣхъ, кто сопротивлялся, сжигали. Жгли также и священниковъ, рѣшавшихся посѣщать больныхъ.

Собственно говоря, голодъ былъ нормальнымъ мѣстнымъ явленіемъ. Англичанинъ Дженкинсонъ, ловкій коммерсантъ и проникательный наблюдатель, говорилъ о 24 лицахъ, которыя въ короткое время умерли на его глазахъ отъ недостатка пищи, т.-е. *небольшого количества соломы*: оказывается, зимою сушеная и молотая солома служила питаніемъ большому количеству жителей, привыкшихъ лѣтомъ кормиться травой, корнями и древесной корой. Иностранецъ указываетъ по этому поводу на безсердечіе русскихъ людей: равнодушно смотрѣли они на гибель себѣ подобныхъ, надающихъ и умирающихъ на улицѣ отъ истощенія. Эту черту мы находимъ вездѣ, гдѣ нищета, сдѣлавшись обычнымъ явленіемъ, ожесточаетъ сердца. Въ XVI вѣкѣ богатство, даже просто довольство въ этой странѣ—только исключительное явленіе.

На ряду съ монастырями только одинъ родъ—Строгановыхъ,—является обладателемъ значительнаго состоянія. Флетчеръ считаетъ

за нимъ 300,000 р. чистыми деньгами; кромѣ этого ему принадлежали огромныя земельныя владѣнія, обработанныя поля, простирившіяся отъ Вычегды до границъ Сибири, и промышленныя предпріятія, гдѣ насчитывалось до 10,000 рабочихъ по найму и до 5,000 крѣпостныхъ. Они платятъ государству 23,000 р. налоговъ, но государство чуть не разоряетъ ихъ, требуя все больше. Благодаря этой системѣ Строгановы и являются исключеніемъ. Правительство и Церковь, двуликій Вааль, пожираютъ все, сосутъ національное богатство и истощаютъ его источники: правительство своими поборами, Церковь—лихвенными процентами по ссудамъ.

Всѣ въ долгу, и наиболѣе бѣдные уплачиваютъ проценты своимъ трудомъ, который такимъ образомъ является потеряннѣмъ для общей экономіи и для общественнаго богатства. Формула, по которой мужчина и женщина, а часто и цѣлая семья вмѣстѣ съ дѣтьми, обязываются «за ростъ служить вдвое во вся дни» дѣлается общепотребительной въ долговыхъ обязательствахъ, число которыхъ все растетъ.

Уже отмѣченная мною выше рѣдкость монеты есть показатель всеобщей бѣдности. По свидѣтельству Гваньино бѣличьи шкурки служили при платежахъ до конца этого вѣка, да и Петръ Великій еще платитъ своимъ чиновникамъ такимъ способомъ. Между тѣмъ, въ XVI вѣкѣ чеканка монеты была свободна, и государство контролировало только вѣсъ и пробу. Нѣкоторые чеканщики получали разрѣшеніе класть свое имя на монеты. Очень принято было употребленіе серебряныхъ слитковъ, и примитивныя новгородскія моѣты, точныя снимки съ которыхъ Шодуаръ далъ намъ въ своемъ трудѣ (*Aperçu sur les monnaies russes, 1836*) были также только слитками. Привычка смотрѣть на серебро и золото, какъ на товаръ, надолго запечатлѣлась въ умахъ. Но благороднаго металла нехватало. Правда, вопреки утвержденію Павла Ювія (*Pauli Jovii Descriptiones 1571*) въ русскомъ государствѣ были рудники; въ 1482 г. уже Иванъ III просилъ венгерскаго короля Матвѣя Корвина прислать ему инженеровъ для эксплуатаціи рудниковъ. Наконецъ, въ 1491 г. серебряныя розсыпи были открыты на берегахъ Цильмы, притока Печоры. И все же, добыча серебра была очень незначительна, и Русь въ этомъ отношеніи была въ зависимости отъ заграницы. Что касается золота, то въ обращеніи были только иностранныя монеты,—венгерскіе, голландскіе, польскіе, флорентинскіе дукаты, англійскіе *shiffs-nobles* и *roses-nobles*; а, между серебряными,—голландскіе флорины, нѣмецкіе талеры,

такъ называемые *ефимки* (Joachims Thaler), а также англійскіе шиллинги. Количество золотой монеты было такъ ограничено, что каждое обстоятельство, повышавшее на нее спросъ—свадьба или крестины въ царствующемъ домѣ, отправка за границу посольства—поднимало сразу ея цѣну, иногда чуть не вдвое. По случаю свадебъ и крестинъ было въ обычаѣ, чтобы государь принималъ въ подарокъ червонцы отъ бояръ и представителей сословныхъ учреждений, а посланники нуждались въ деньгахъ, для представительства, даже въ Польшѣ.

У государя было всегда не мало денегъ въ подвалахъ. Онъ былъ очень богатымъ владыкой весьма бѣдной страны. Онъ ослѣплялъ всѣхъ, даже Западъ своей роскошью. Впрочемъ, невозможно получить вполне опредѣленное понятіе о степени этого богатства и о способахъ его пріобрѣтенія. Поэтому и я ограничусь очень краткими указаніями на этотъ счетъ.
